сит фрагментарный характер, направлено преимущественно на решение конъюнктурных задач и порождает авторитарные, прагматично окрашенные образцы политического сознания. Таким образом, выдвигаются новые требования и к изучению социокультурных механизмов формирования политического сознания молодежи и к деятельности институциональных структур в направлении усиления социально-политической субъектности молодежи. Особую актуальность эта проблема приобретает в связи с инициативой Президента РФ, касающейся модернизации и дальнейшей демократизации страны.

Список литературы

Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности: теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. – М., 2008.

Российская молодежь: проблемы и решения / Н.Е. Тихонова, М.К. Горшков, М.П. Мчедлов и др. – М., 2005.

Ювенология и ювенальная политика в XXI веке. Опыт комплексного междисциплинарного исследования / под. ред. Е.Г. Слуцкого. − СПб., 2004.

Зубок Ю.А., Сорокин О.В., 2010

А.В. Кузьмина

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

КУЗЬМИНА Алла Владимировна – кандидат философских наук, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций (e-mail: aguzilova@mail.ru)

Аннотация. *В рамках системного исследования действующих правовых норм рассматриваются актуальные проблемы правоприменительных интересов государственных структур и должностных лиц.*

Ключевые слова: *правовое поле, правоприменительный интерес, детерминационные ресурсы правовой активности, модельная программа междисциплинарного исследования.*

Множество острейших проблем, возникающих в сфере правоприменения в современной России, имеют разные причины и масштабы распространения. Однако все они имеют общий источник − дефицитность конструктивных правоприменительных интересов и правоприменительной активности легитимных субъектов.

Известно, что легитимное право реализуется через правоприменительную деятельность в силу объективных условий и субъективных обстоятельств, внутренних мотивов субъекта или внешних побудителей.

Среди побудителей правоприменительной деятельности отечественных государственных структур и должностных лиц роль приоритета традиционно играли и продолжают играть «указания сверху». Они как бы олицетворяют собой некий ресурс внешнего принуждения. Привычка должностных лиц руководствоваться «указаниями сверху» глубоко укоренена в сознании отечественных служителей Фемиды, персонала органов внутренних дел, других категорий госслужащих и это, безусловно, снижает коэффициент полезного действия законов, других нормативных правовых актов, тормозит развитие инициативной, активной правоприменительной деятельности, в которой заинтересовано государство.

Пассивность должностных лиц в правоприменительной сфере негативно воздействует на массовое правосознание населения, порождая феномены правового нигилизма, юридической анемии, деструктивного противоправного поведения и, по сути, блокирует развитие у граждан устойчивых интересов и установок, связанных с повышением их статуса как эффективных правообладателей.

Становление правового государства предполагает существенное расширение пространства качественных правовых регуляций и интенсификацию правотворческой деятельности. Известно, что в Союзе ССР действовало минимальное количество законов. Дефицит «законности» компенсировался тотальной партийной директивностью. В правопреемнице Союза ССР, Российской Федерации, действует примерно три тысячи законов, в Германии – более 40 тыс., в США – около 19 тыс. федеральных законов, не считая множества законов штатов.

По мнению многих экспертов, законодателей, представителей юридической науки, для качественного функционирования демократического гражданского общества в Российском государстве должны функционировать около 30 тыс. федеральных законов. Подобной точки зрения придерживается, в частности, и полномочный представитель Президента Российской Федерации в российском парламенте А.А. Котенков[1].

Нетрудно представить себе соответствующий рост объемов правоприменительной деятельности в условиях интенсивного законотворчества.

[1] См.: *Котенков, А.А.* Законов нам нужно в десять раз больше //Парламентская газета. − 2010. − 12 февраля. − С. 9.

Очевидно, что без формирования и развития правоприменительных интересов соответствующих должностных лиц и структур государства нельзя рассчитывать на результативность действующих правовых норм, да и на качественное развитие массового правосознания населения.

Правоприменительный интерес – лишь один из сегментов в сложной системе юридических интересов, компонент мегасистемы разнообразных личных, корпоративно-групповых, социальных интересов. Проблему правоприменительного интереса трудно вычленить из мотивационных проблем, обусловленных действием механизмов юридического поведения, сферы правосознания. Эти механизмы включают глубинные архетипы, потребности, интересы, ценностные установки, иные феномены субъективных поведенческих детерминаций. Познавательная стратегия, основанная на методологическом принципе от частного к общему, недостаточно продуктивна в подобных случаях, когда предмет познания взаимообусловлен множеством феноменов, не умещающихся в узкоспециализированных предметных пространствах.

Методологический принцип от общего к частному в наиболее эффективной форме реализуется в межпредметных исследованиях.

Междисциплинарность понимается автором как синтез методологических принципов, познавательных ресурсов и процедур, осуществляемый как на уровне предметно-дисциплинарного бытия социально-гуманитарных наук, прежде всего социологии и психологии, так и в пределах разнообразного теоретического правоведения, когда проблемы юридических интересов исследуются в специализированном правовом сегменте отраслей права и соответствующего правоведения.

Использование принципа междисциплинарности в исследовании правоприменительных интересов предопределяется прежде всего синтетической природой той юридической реальности, которая выражается термином «правоприменительный интерес».

Чтобы глубже и системнее осознать природу, сущность, особенности проявления правоприменительных интересов, необходимо иметь адекватные научные представления о мотивационных ресурсах субъектов, о месте в их структуре потенциала, потребностей и интересов. Этим и предопределяется познавательный союз психологии, социологии, теоретического правоведения, других социально-гуманитарных отраслей науки.

Известно, что юридические интересы исследуются в рамках различных юридических дисциплин.

Трудно представить продуктивное исследование правоприменительных интересов различных субъектов без обращения к механизмам реализации конституционного, гражданского, семейного, трудового, других отраслей права. В каждой из отраслей действующего права в той или иной мере представлены, выражены так называемые отраслевые интересы субъек-

тов – властно-политические, экономические, социальные, идеологические, соответствующие интересы разработчиков соответствующих правовых норм.

В любой действующей норме в «снятом» виде априори содержится потенциал разнообразных интересов, не всегда гармонизированных как по отношению к субъектам, их представляющим, так и по отношению к профилям подобных интересов. В одних нормативных правовых актах могут доминировать корпоративные интересы, в других − интересы субъектов, представляющих отраслевые и иные государственные структуры, в третьих – личные интересы. Неоптимально могут быть представлены в законодательстве политические, экономические, социальные, иные интересы.

Все эти факторы бытия интересов в правовой норме должны стать предметом соответствующего осмысления каждым правоприменителем. Понимание не только концепции того или иного закона, его структуры, логики изложения правового материала, но и своеобразного духа закона, его наполненности потенциалом заинтересованных субъектов – одно из непременных условий его успешного применения.

С нашей точки зрения, невозможно обеспечить заинтересованную качественную, инициативную правоприменительную деятельность судебной, исполнительной власти без осмысления потенциала интересов представленных, выраженных тем или иным юридическим нормативным способом в конкретном законодательном акте.

Органическое присутствие интересов в праве, в процессе применения права, его использования актуализирует проблематику их исследования, причем не только представителями теоретического правоведения, но и практикующимися правоприменителями.

Теории интересов с разных философско-мировоззренческих, методологических, парадигмальных позиций разрабатывали многие отечественные и зарубежные ученые. Среди их работ заслуживают особого внимания научные исследования Б.Г. Ананьева, М. Вебера, А.А. Деркача, Э. Дюркгейма, А.Г. Здравомыслова, В.П. Зинченко, Д.А. Керимова, Е.А. Климова, Н.М. Коркунова, В.Н. Лавриненко, А.Н. Леонтьева, Г.В. Мальцева, А.В. Малько, А. Маслоу, Н.Н. Михайлова, Т. Парсонса, К.К. Платонова, Л.И. Петражицкого, Н.Я. Соколова, Э. Фромма, Б.Н. Чичерина, К.-Г. Юнга, В.А. Ядова. В работах этих исследователей представлены как теоретическое правоведение, так и различные философские, психологические, социологические школы и направления.

Пределы журнальной публикации и ее объектно-предметный профиль не позволяют детально анализировать понятийный аппарат современных философский, социологических, юридических, экономических и иных теорий интересов, сопоставлять различные точки зрения, результаты многолетних и многочисленных в прошлом дискуссий по данной проблематике.

Свои особенности имели эти дискуссии в досоветский и в советский периоды развития отечественного обществознания, тех или иных социально-гуманитарных наук.

Ныне подобные дискуссии, как нам представляется, не привлекают должного внимания исследователей, хотя степень их актуальности очевидна.

Можно предположить, что определенная исследовательская пассивность в этой сфере предопределяется доминированием в недалеком прошлом классовой, идеологической составляющей. Это сказалось на результатах анализа интересов различных субъектов, в том числе юридических и правоприменительных интересов. В данном случае мог проявиться необоснованный критицизм по поводу анализа и учета интересов в социально-экономической деятельности, включая и рыночную. Некоторые представители либеральных экономических теорий, как известно, делают акцент не на интересы субъектов, а на их свободу.

Интерес есть осознанная потребность, ключевой мотиватор целенаправленного поведения (действия или бездействия) по поводу обладания той или иной материальной или духовной ценностью.

Интерес субъективен по смыслу и содержанию и объективен по форме.

Не существует личности, не обладающей потенциалом интересов. Объективно присутствие интересов в духовном мире иных социальных субъектов – семьи, коллектива, государства, нации, гражданского сообщества и т. д.

Интерес является ключевым детерминантом всех форм, видов человеческой деятельности, хотя классик социологической теории действия Талкотт Парсонс недооценивал данные ресурсы поведенческой активности. По его мнению, «... в теории действия конкретная организация мотивации не может анализироваться в терминах потребностей организма, хотя корни мотивации находятся именно там. Организация элементов действия зависит прежде всего от отношения действующего лица к ситуации, а также истории этого отношения, или – **опыта**»[1].

Действительно, поведение потенциального деятеля любого класса (личности, семьи, государства и т. д.) детерминировано ситуативным контекстом и безусловно жизненным, историческим опытом, усвоенным этим деятелем. Но отсюда вовсе не следует, что мотивационный потенциал деятеля не связан с его потребностями и интересами. Скорее, наоборот, все обозначенное Парсонсом: и контекст, и опыт, концентрируясь в сознании субъекта, формирует, модифицирует его интересы. Применение опыта есть реализация интереса к этому опыту как жизненной ценности, то же самое относится и к рефлексии ситуации, которая также в том или ином виде отражается в интересах.

[1] *Парсонс, Т.* О социальных системах. – М., 2002. − С. 77.

В правовом поле юридический интерес проявляет себя как субъективное стремление по поводу обладания желаемым правовым благом – ресурсом. Ориентация на ресурсную ценность – важнейший признак любого интереса, в том числе и юридического. Но возвращаясь к размышлениям Парсонса, следует заметить, что внутренние позывы субъекта по поводу обладания значимым для него юридическим ресурсом образуют лишь первичную мотивационную основу или, говоря словами известного социолога, лишь корни мотивации юридического интереса. Для того чтобы юридический интерес из внутренней потенции-желания превратился в заинтересованное действие, необходимы иные детерминанты и прежде всего, как отмечает Парсонс, – предопределяемые характером отношения потенциального носителя юридического интереса к жизненной, в том числе и к юридической ситуации, а также бытийным, юридическим опытом конкретного субъекта.

Синтез внутренних установок сознания по поводу юридических благ, реальный контекст, в котором находится носитель потенциального юридического интереса (личность, семья, государство и т.д.), жизненный, онтологический, исторический опыт конкретного субъекта – все это обусловливает и генезис, и воспроизводство, и различные механизмы реализации юридических интересов.

Систему юридических интересов образуют интересы: субъектов правотворчества; субъектов правообладания; субъектов правоприменения; субъектов правотолкования.

Потенциальными ценностями правотворческого интереса является качественный и результативный процесс разработки и принятия нормативных правовых актов.

Потенциальными ценностями интересов правообладателей – дееспособного населения, других физических и юридических лиц выступают многочисленные блага, которые могут быть обеспечены юридическими, законными средствами, правовой активностью данных субъектов.

Потенциальными ценностями интересов правотолкователей являются позитивные изменения в правовом сознании, в правовой культуре участников юридических отношений, связанные главным образом с юридической компетентностью, с пониманием духа и сути действующих правовых юридических норм.

Потенциальными ценностями интересов правоприменителей, в лице, прежде всего государственных органов, структур, должностных лиц государства, выступают позитивные изменения в системе правовых отношений, в направлении их гармонизации, в постоянном и повсеместном качественном применении действующего законодательства.

Подобное понимание конструктивных правоприменительных интересов может выступать в качестве исходной методологической основы для струк-

турирования данных интересов, а в последующем и для разработки инструментария, методик, процедур их социально-правового исследования. С нашей точки зрения, модельную систему современных интересов субъектов правоприменительной деятельности образуют интересы:

1) гармонизации юридических отношений; 2) правовой стабильности; 3) правоприменительной преемственности; 4) оптимизации юридических свобод, прав, обязанностей; 5) правовой защиты различных форм собственности, материальных и нематериальных благ; 6) правовой защиты чести, достоинства, репутации граждан; 7) формирования адекватного правосознания, правовой компетентности, правовой культуры населения и должностных лиц; 8) формирования правовой ответственности; 9) правовой регламентации деятельности субъектов власти и управления; 10) юридического обеспечения публичного правопорядка и безопасности.

Данный перечень можно расширить, дополнить с учетом тех или иных особенностей правовой реальности и правосознания различных субъектов.

Весьма актуальной для современного межпредметного исследования является проблема деструктивных правоприменительных интересов, которые формируют мотивационный ресурс коррупционного поведения, в том числе и конкретных правоприменителей, представляющих судебные, правоохранительные, иные органы.

На основе исследования проблем юридической деструктивности, обращения к профильным работам психологов, социологов, философов, правоведов в системе мотивационной деструктивности можно выделить интересы правоприменителей, отнеся к ним интересы:

1) минимизации профессионально-должностных юридических обязанностей; 2) получения личной выгоды правомерными средствами (злоупотребление правом); 3) получения личной выгоды не правомерными средствами; 4) юридического обеспечения коррупционного поведения должностных лиц; 5) диффузии юридической профессиональной ответственности; 6) хаотизации, бюрократизации юридических отношений; 7) правовой защиты незаконно приобретенных материальных и нематериальных ценностей; 8) формирования юридической пассивности правообладателей (правопользователей), их юридической некомпетентности; 9) некачественной юридической конкуренции.

Очевидно, что диагностика деструктивных правоприменительных интересов сопряжена с особыми трудностями как теоретико-методологического, так и инструментально-методического характера, преодоление которых также следует связывать с ориентацией на межпредметный характер исследования, привлечения диагностического потенциала психологии, включая юридическую психологию, социологии, различных отраслей права, ряда других социально-гуманитарных наук.

Как конструктивные, так и деструктивные правоприменительные интересы проявляют себя в конкретных действиях, поступках, предмет которых в той или иной мере связан с легитимно-правовой нормой. Через диагностику совокупности поступков правоприменителя в правовом поле можно проанализировать направленность, структуры, интенсивности проявления потенциала правоприменительных интересов того или иного субъекта.

Подобная диагностика предполагает необходимость использования разнообразных методик, приемов от анализа документов, техник визуального наблюдения до социологических опросов, юридических экспериментов, психологического тестирования.

«Под категорию действия нормы права, – отмечает Г.В. Мальцев, – ... можно подвести *любой контакт нормы с реальностью, в результате которого остается «след» этой нормы в правовой жизни* в виде человеческого поступка, юридического решения, нормативного или ненормативного (индивидуального) правового акта, обыкновения юридической практики, изменения в правовой культуре и правосознании»[1].

Правоприменительный интерес и непосредственно и опосредованно связан с правовыми нормами, с таким отношением правоприменителя к норме, которое, говоря словами известного отечественного правоведа, оставляет «след» этой нормы в правовом поле.

Выделенные Г.В. Мальцевым сегменты реализации юридических норм, в данном случае правоприменителем, в виде человеческих, профессионально-должностных поступков субъекта правоприменения, юридических решений, иных проявлений своей субъектности, а также изменений в правовом сознании, в правовой культуре образуют своеобразную матрицу диагностирования правоприменительных интересов.

Наиболее сложной задачей является диагностирование сути, направленности правоприменительных интересов субъекта как феноменов правосознания. В этой сфере не всегда результативными могут быть рациональные методики, сориентированные на фиксацию тех или иных фактов, составляющих основания научной результативности.

Научно-методологический постнеклассицизм допускает возникновение в поле науки так называемых «неявных знаний», которые затем фиксируются посредством «неявных, нечетких» категорий и понятий, в осмыслении которых возрастает аксиологическая составляющая. «*Постнеклассический тип научной рациональности*, – пишет В.С. Степин, – расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций

[1] *Мальцев, Г.В.* Социальные основания права. – М., 2007. − С. 613.

деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями»[1].

Расширение поля межпредметной рефлексии весьма актуально при исследовании проблем генезиса, воспроизводства и реализации правоприменительных интересов. Не менее актуальной научно-методологической задачей является выход за пределы классического рационализма при осмыслении собственно юридических и внеюридических факторов, условий, оказывающих явное и неявное, непосредственное и опосредованное корректирующее воздействие на юридические интересы разнообразных правоприменителей.

Среди подобных факторов субъективно-личностного характера, влияющих на правоприменительное поведение субъекта, наряду с интересами, следует выделить волю, социальную, гражданскую профессиональную ответственность, служебный долг, должностные обязанности, страх, боязнь наказания, принуждение, корысть и т. д.

При выявлении «удельного веса» этих и многих других субъективных и объективных мотиваторов правоприменительной активности или пассивности исследователь должен учиться применять и другие. Например, наряду с анализом статистических фактов, результатов социологических, психологических исследований, могут использоваться и такие далеко не рациональные методы, как интуиция, эмпатия. Надо учиться искусству ценностно-культурологической экспертизы значимости, степени приоритетности в тех или иных обстоятельствах интересов правоприменителей.

Модельная программа междисциплинарного исследования правоприменительных интересов могла бы включать в себя следующие компоненты и технологические этапы: 1) теоретико-мировоззренческое, аксиологическое самоопределение исследователя в мире разнообразных представлений о праве, о диалектическом синтезе права и интересов; 2) исследование каузальных оснований генезиса и воспроизводства правоприменительных интересов; 3) исследование структурного и функционального бытия правоприменительных интересов; 4) исследование контекстных модификаторов правоприменительных интересов; 5) исследование результатов деятельности субъектов правоприменительного интереса, степень ее инициативности, интенсивности, эффективности; 6) исследование диалектики – единства, гармонии, борьбы различных мотивационных начал правоприменительной деятельности субъекта.

Творческое использование подобной исследовательской модели, основанной на познавательных ресурсах теоретического правоведения, психо-

[1] *Степин, В.С.* Теоретическое знание. – М., 2003. − С. 634.

логии, социологии, философии, принципах постнеклассической социально-гуманитарной методологии, создает, с нашей точки зрения, возможности для системного рассмотрения проблематики современных правоприменительных интересов.

Список литературы

Мальцев, Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.

Парсонс, Т.О. Социальных системах. – М.: Академический проект, 2002.

Степин, В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.

© Кузьмина А.В., 2010